

ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА НАЧАЛА 1660-х ГОДОВ

С. П. Орленко

Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»

Поступила в редакцию 27 ноября 2015 г.

Аннотация: статья посвящена деятельности Оружейной палаты в условиях кризиса начала 60-х гг. XVII в. На основании изучения комплекса архивных документов исследуется влияние негативных факторов на функционирование придворной оружейной мастерской и хранилища государевой оружейной казны. Рассматриваются меры, принятые руководством ведомства в условиях инфляции, по обеспечению производственной деятельности Оружейной палаты и ее личного состава необходимыми материалами и ресурсами, а также для пополнения царской оружейной казны.

Ключевые слова: Оружейная палата, XVII век, мастера, финансовый кризис, инфляция, оружейная казна.

Abstract: article focuses on the activities of the Armory chamber in the conditions of financial crisis of the early 60-ies of the XVII century. On the basis of studying of archival sources, examines the influence of negative factors on the functioning of the court gunsmith and armory. Also, observed measures taken by the head of the Armory chamber in terms of inflation, to ensure productive activities of the Armory and its personnel by the necessary materials and resources, and to replenish the tzars Armory Treasury.

Key words: Armory chamber, 17th century, masters, financial crisis, inflation, Armory Treasury.

В исследованиях, посвященных мастерам Оружейной палаты XVII в., рассматривался вопрос об ущербе кадровому составу придворных оружейных мастерских, нанесенном Московской чумой 1654 г. [1, с. 122–143; 2, с. 130; 3, с. 407]. Эпидемия произвела страшные опустошения в русской столице. По подсчетам исследователей, в Бронной слободе – районе, где издревле селились оружейники, чума унесла около 80 % населения [4, с. 47]. Численность специалистов в дворцовой оружейной мастерской сократилась до нескольких десятков. Потери Оружейной палаты могли оказаться и более катастрофическими, если бы группа мастеров не покинула Москву до начала «морового поветрия», вместе с походной оружейной казной последовав за царем Алексеем Михайловичем на войну против Польско-литовского государства [1, с. 124–125].

Согласно росписи окладов служащим и мастеровым людям Оружейного приказа 1656 г. в штате состояло 26 русских мастеров, 2 иконописца, 8 чищельников, 4 самопальных (стрелков), 3 сторожей. Иноземный мастер был только один «бронник» Петр Ушман и еще один «немчин» Борис Крыгор числилсь в учениках [5, с. 88; 6, л. 44–62].

Московским правительством были предприняты энергичные меры для восстановления работы дворцовых мастерских. Ремесленников нужных специальностей «приискивали» в Москве и провинции. Из

недавно отвоєванных у Речи Посполитой городов: Смоленска, Витебска, Полоцка, Могилева, Быхова, Шклова, Вильно – в Москву в большом числе вместе с семьями и учениками были переведены ремесленники самых разных специальностей, в том числе и оружейники [7]. К началу 1660-х гг. численность мастеров Оружейной палаты превысила 100 человек, почти половину из них составляли мастера-иноземцы [5, с. 88]. Однако преодолению кадрового кризиса в Оружейной палате сопутствовало начало в России кризиса финансового.

Начало 1660-х гг. ознаменовалось бурным развитием инфляционных процессов – стремительно падала цена медных денег, которыми мастерам выплачивали жалование [8, с. 134–137]. В наиболее уязвимом положении оказались иноземные мастера, получавшие сравнительно высокое денежное жалование, но в отличие от «жалованных» русских мастеров не имевшие хлебного оклада, выдававшегося рожью и овсом. Также в тяжелую ситуацию попали русские «кормовые» – внештатные мастера Оружейной палаты, получавшие «поденный денежный корм» на время выполнения работ.

Летом 1660 г. появляются первые челобитные с жалобами на дороговизну продуктов и невозможность прожить на жалование. Челобитная «наводного дела мастера» Ивана Килтыкова (Килтыкеева) с товарищами «иноземцами розных дел мастерами» всего 23 человека помечена 11 июня. Ремесленники, по их словам, «обеднели и обдолжали великими дол-

гами... хлеб и всякий харч дорог» [9, л. 1–3]. Позднее подобного рода обращения приобретают массовый характер.

Руководство Оружейной палаты постаралось компенсировать мастерам потери реальной заработной платы. В октябре 1661 г. была составлена «Роспись Оружейных полатей розных дел мастеровым людям иноземцам что кому [дают] государева годового денежного жалования и поденного корму, а хлебного жалования им нет». Список включал в себя имена 53 мастеров – «поляков» и «немцев», у каждого имени была написана сумма «придачи» денежного корма (в большинстве случаев с двух алтын до гривны) [10, л. 1–11]. В течение следующего года среднюю сумму поденных кормовых денег «выезжим» мастерам поднимали еще несколько раз, доведя до полуполтины, а потом и до 30 копеек на день, однако вскоре инфляция опять обгоняла повышение жалования, и не имевшие хлебных окладов мастера (уже 63 человека) вновь били челом о крайней «скудости» и «хлебной дороговизне» [11, л. 1–5, 17].

Среди подобного рода документов интересна челобитная единственной, по нашим сведениям, женщины – мастера Оружейной палаты. «Бьет челом сирота твоя бедная горькая вдова, твоей государевой Оружейной палаты левкащика Алексея женишка Ондреева с своими детишками, Манька левкащица сама третья. Работаю я сирота твоя на тебя великого государя левкаское дело в Оружейной палате. А муж мой умер, а я бедная после мужа моего смерти с детишками сама третья помираю голодною смертию. А хлеб, государь, дорогой купить нечем». (Левкас – грунт на основе мела и рыбного клея. Левкасом покрывались иконные доски, а также двери, столешницы и различные предметы мебели во дворце, под последующую роспись «золотом, серебром и всякими красками»). Женщина была супругой кормового левкащика Оружейной палаты и после смерти мужа заняла его место, работала и самостоятельно содержала двух детей. По приказу оружничего Богдана Матвеевича Хитрово, Марии с детьми было велено выдать «осьмину ржи, да осьмину овса» [12, л. 3–3 об.; 13].

Обесценивание медной монеты ставило под угрозу выполнение мастерами производственных заданий. Сумм «надельных денег», выдаваемых для приобретения необходимых материалов и оплаты работ, становилось недостаточно. Государю били челом сабельные придельщики (мастера, изготавливавшие ножны и монтировавшие прибор к сабельным полосам) Иван Иевлев с шестью товарищами. Писали, что «на приклад идет на саблю только по 13 алтын по 2 деньги», но этого оказалось недостаточно – «покупают товар на свои – все дорого». Стремянного дела мастеру Антону Иванову выдали на три пары стремян по 25 алтын «и тем государевым жаловани-

ем в нынешнюю дороговизну прокормиться нечем – приклад дорог» [10, л. 44, 48].

С такого рода проблемами пытались справиться, увеличивая сумму «надельных». Руководством Оружейной палаты предпринимались попытки компенсировать мастерам и потери реальной заработной платы. Торговцы на рынках отказывались продавать продукты за медные деньги. Становилось понятно, что путем денежных придач проблему решить невозможно.

Спасая положение, администрация Оружейной палаты перешла к выплатам натуральными продуктами. Первые сведения об экстраординарной выдаче продуктов ремесленникам придворных мастерских относятся к октябрю 1661 г. По «великого государя указу Оружейной, Золотой и Серебряных полат всяких чинов мастеровым людям твое государево жалование выдано по чети ржи, да по чети овса» [14, л. 1]. Но такого количества хлеба не могло хватить надолго.

В марте 1662 г. было дано указание о раздаче мастерам соли «безденежно». Первоначально был составлен общий список иноземных мастеров, однако позднее его разделили на две части. Мастерам «первой статьи» велено было дать по три пуда соли безденежно, а «второй статьи – против русских мастеровых людей» – по два пуда. В «первую статью» попали дозорщик Оружейной палаты Вилим Геймс, живописец Кондрат Иевлев, иконописец грек Апостол Юрьев, шелкового дела мастер «кизилбашенин» (иранец) Мамаделей Акатов, «немчины» Бартар Кинеман и Ганс Маер, а также «пистольный и карабинный мастер» из Полоцка – Петр Мартинов. А с «немчином» Матисом Зубером произошло недоразумение – из общего списка его вычеркнули, а в первоостатейный не внесли [15, л. 1–4]. Но и раздача такого количества соли не обеспечивала долговременного решения проблемы.

Руководство оружейного ведомства понимало, что стабилизировать положение на продолжительный срок смогут только масштабные раздачи провизии. Очевидно, приобрести достаточное для обеспечения мастеров количество продуктов в Москве было затруднительно. Решение было найдено оружничим Б. М. Хитрово. Для спасения ремесленников придворных оружейных мастерских от голода в июле 1662 г. в город Сапожок (ныне поселок городского типа в Рязанской области) была отправлена группа из шестнадцати мастеров Ствольного приказа (также подчинялся оружничему). Руководить экспедицией было поручено подьячему Ствольного приказа Ивану Иванову. «Послан из Оружейной палаты по хлеб воденным путем на Сапожок и с Сапошка велено ему тот хлеб привести к Москве в стругах» [16, л. 1–2; 17, л. 1–2].

Продукты было велено «взять на Сапожке у стольника (воеводы? – С. О.) Григория Васильева сына

Лепунова». Заранее Г. В. Лепунову (Ляпунову) были отправлены деньги «для хлебной покупки» – две тысячи рублей. Однако этого оказалось недостаточно. Стольник сообщил в Москву, что у него «недоплаченных государевых пошлин пятьдесят рублей, да за житницы не заплачено найму декабря с 1-го числа тридцать рублей, да за десять четвертей ржи недоплачено дватцать пять рублей. Обоево ему Григорью надобно ныне взять денег сто пятьдесят рублей, потому, что у нево Григорья прежние дачи денег две тысячи рублей все в расходе». Кроме того, стольник Г. В. Ляпунов заявил, что «ис тех же прежних денег из дву тысяч рублей оборных худых (фальшивых? – С. О.) денег тридцать девять рублей. И что б великий государь указал те худые деньги мне Григорью переменить из Оружейные палаты». Для покрытия этих расходов из Оружейной палаты было отпущено еще 200 рублей медными деньгами [17, л. 1–2]. Предположительно по малым рекам (Мошке, Пожве или Паре) суда с хлебом от Сапожка должны были дойти до Оки и далее подняться по реке Москве до столицы.

Экспедиция справилась со своей задачей. Приказные документы фиксируют выдачу мастерам Оружейной палаты значительного количества продуктов. «Мастеровым людям государева жалованья хлеб, рожь и овес роздавал подьячий Ствольного приказа Иван Иванов ис привозного, которой превез с Сапожка Григорьевы покупки Лепунова» [11, л. 4]. К весне 1663 г. мастерам-иноземцам было роздано «муки ржаной, пшеницы, крупы овсяной, крупы гречневой, гречи, толокна, овса... 450 четей без полуосьмины [18, л. 8–15]. Натуральные дачи позволили ремесленникам пережить сложный период с минимальными издержками.

Одной из причин гиперинфляции было массовое изготовление фальшивых денег. Для мастеров, профессионально работавших с металлом, в том числе и оружейников, организация чеканки поддельной медной монеты на дому не представляла сложности. Среди мастеров Оружейной палаты не всем удалось устоять перед соблазном. В ноябре 1661 г. из приказа Большой Казны в Оружейную палату поступает указание прислать мастеров Оружейной палаты иноземца Ивана Хриштопова и некоего Мартынку для «допросу по оговору их в воровском денежном деле». Оказалось, что это требование выполнить невозможно, поскольку «иноземец Ивашка был в Оружейной палате в оружейных мастерах, а в Бронной слободе не живет, а где ныне он Ивашка неведомо. А Мартынка в мастерах в Оружейной палате и в тягле нет» [19, л. 1–3].

Летом 1662 г. из Оружейной палаты в приказ Большой казны был отправлен запрос: «Оружейные палаты мастера иноземцы Васька Леонтьев, Стенька Григорьев св приказе великого государя Большие

казны в каком деле взяты и что им по тому делу великого государя указ? И свободены они или нет? А в Оружейной палате Васька Леонтьев делал пистольные стволы и замки и станки со всем в отделке. А Стенька Григорьев делал винтованные добрые стволы. И которые дела им иноземцом по указу великого государя из Оружейные палаты даны, и те из дела не зделаны» [20, л. 1].

«И в приказе великого государя Большие казны выписано: в нынешнем во 170-м (1662) февраля в 18 день по извету иноземца Гришки Иванова прозвище Лавруцкой, взят в приказ Большие казны иноземец Васька Леонтьев. Да у того Васьки сыскано во дворе три чекана воровских гладких, да меди кованой и литой в прутье по весу три гривенки. Да две доски волоковых, да клещи волоковые ж, да молота... да копеешная решотка напечатанная на свинце». Василий Леонтьев был взят «за приставы», однако ему удалось бежать из-под стражи. Упустивший преступника пристав «Яковлева приказу Соловцова стрелец Сенька Батюшков... бит кнутом на козле и дан на поруки в том, чтобы ему того Ваську сыскав поставить в приказе Большие казны» [там же, л. 1–2].

«А бронник Стенька Григорьев взят в приказ Большие казны в том, что говорил на него гостя Михайла Ерофеева крестьянин поляк Осташко Степанов, что он Стенька на Москве воровских денег у него Осташка подложил на воровской чекан гладких две копейки. И в том деле он Стенька пытан дважды, а с пыток винился и после пыток он до государева указу отослан на тюремной двор» [там же, л. 2].

Уже после отмены медных денег летом 1666 г. один из так называемых «польских» мастеров подал жалобную челобитную: «бьет челом бедной и беспомощной ис темницы заключенной Оружейной палаты наводчик поляк Савка Савостьянов сын Панков. Взят я холоп твой к тебе великому государю к Москве из Могилева для твоего государева дела и был в твоей государеве Оружейной палате у твоего государева дела десеть лет. Делал шестоперы и корваши (наручи [21, с. 44]. – С. О.) и куяки делал же. И в поддаче у меня были мои ж братья товарищи поляки. Да я ж холоп твой делаю пансыри, а преж сего в твоей государевой Оружейной палате неделывали и такое твое государево дело меня станет, а которые мастера у тебя государя и есть в полате и им таких пансырей не зделать, что я холоп твой зделаю. А ныне я бедной ис приказу Большие казны посажен на тюремный двор и живот свой мучею, другой год помираю томною голодною смертью. Милосердый государь... пожалуй меня холопа своего в темнице заключенного, вели государь меня с тюремного двора взять в Оружейную палату и про мое рукоделишко спросить, а меня, холопа твоего, с твое государево пансырное дело будет и нхто так не зделает... А в роспросе сказал,

делает он шапки мисюрки з бармицею и наводит золотом вновь своими образцы, да он же делает пансыри да куяки, зеркала, да наручи, да стремяна и на них наведет золотом и серебром» [22, л. 1–3].

Как выяснилось, Савва Панков второй год сидел в тюрьме Разбойного приказа, куда был прислан из приказа Большой казны «в денежном воровском деле» [23, л. 1–2]. Вероятно, криминальную деятельность мастер продолжал и после возвращения серебряной монеты.

Весьма необычный сюжет, также связанный с денежной реформой, относится к началу 1661 г. 4 февраля по государеву указу окольничему и оруженному Богдану Матвеевичу Хитров было предписано прислать на Казенный двор к боярину Илье Даниловичу Милославскому «иконника Симона Федорова (Ушакова. – С. О.), да оружейного дела мастера Григорья Вяткина, да Василия Титова для заводу манетнова дела» [24, л. 1]. По мнению ряда исследователей, речь могла идти о попытке организации чеканки монет крупных номиналов [8, с. 133]. Симону Ушакову, по всей вероятности, предстояло создать рисунок будущей монеты, а Г. Вяткину и В. Титову резать по нему маточники – монетные штампы. Позднее, в 1667 г., аналогичным образом, по рисунку золотописца Посольского приказа Григория Благушина, резал матрицу Большой государственной печати мастер Серебряной палаты Гаврила Овдокимов (Евдокимов) [25, л. 6–12]. Проект организации в 1661 г. новой чеканки монет крупных номиналов так и не был реализован и, видимо, как «денежный мастер» Григорий Вяткин не состоялся.

Рассматривая документы о производственной деятельности Оружейной палаты 1660–1663 гг., мы не находим в них признаков упадка. Мастера продолжают выполнять задания «по наряду» – в соответствии с планом. Численность мастеров продолжает увеличиваться, хотя и не так активно, как во второй половине 1650-х гг. Особенно важно, что в Оружейную палату в начале 1660-х гг. приходят молодые мастера, прошедшие обучение у лучших специалистов. Так, в январе 1660 г. был принят в мастера ученик Григория Вяткина Иван Константинов [26, л. 10, 12, 14]. В 1662 г. обучение у Г. Вяткина окончил Игнатий Прохоров. (В том же 1662 г. И. Прохоров был отправлен в Персию сопровождать оружейные дары от русского царя персидскому шаху) [27, л. 1, 6, 7]. Весной 1663 г. Григорий привел в Оружейную палату сразу двух учеников – Дмитрия Тарасова и своего сына Афанасия Вяткина [28, л. 18].

Возросшие расходы на приобретение необходимых материалов безоговорочно покрывались из казны. Существенных срывов или отмены важных работ из-за нехватки финансирования не отмечено. Отдельные неудачи были связаны с невысоким уровнем

профессиональной подготовки или недостатком усердия некоторых из новопринятых ремесленников, в основном из числа так называемых «польских» мастеров. В 1661 г. несколько стволов работы оружейников – выходцев из ВКЛ – были признаны «худыми» и возвращены мастерам с указанием переделать. У имени замочного мастера Василия Иванова в документе стоит пометка «Делает замки худы. За то отставлен» [29, л. 5, 7].

Именно в начале 1660-х гг. складывается традиция «пасхальных подносов», просуществовавшая до конца XVII в. В один из дней следующей после праздника Пасхи Светлой недели ремесленники придворных мастерских подносили государю во дворце свои лучшие изделия и были «у руки». Для руководства Оружейного приказа это была прекрасная возможность презентации перед государем деятельности своего ведомства, а для мастеров – возможность получения награды «за подносные дела». Для пасхального подноса должны были изготавливаться предметы наивысшего качества и красоты. Разумеется, деятельность мастеров не исчерпывалась изготовлением только подносных вещей, но именно эта задача подчеркнута позиционировалась как приоритетная. Администрация Оружейной палаты с максимальной серьезностью относилась к подготовке пасхальной презентации. Вещи мастера делали не произвольно, а «по наряду».

Составлялся особый «розметный список», в котором указывалось, кто из мастеровых людей какие вещи должен представить к весне. Время пасхального подноса в некотором смысле было отправной точкой цикла годового планирования производственной деятельности Оружейной палаты. Планы, кому из мастеров чем заниматься и какие предметы делать, начинали составлять непосредственно после пасхального подноса. Нередко в росписи «кто из мастеров какие дела делал для государя в поднос на Пасху, и что им за это жалования» в виде пометок вписывались производственные задания на год вперед.

Состав подносных вещей не был постоянным. Ряд предметов присутствуют во всех известных списках «что у государя было в подносе», другие появляются эпизодически или вовсе однократно. Последнее обстоятельство в значительной степени зависело от конъюнктуры – в первую очередь от увлечений государя. Традиционно полные росписи «подносных дел» начинались с образов, написанных иконописцами Оружейной палаты, далее, как правило, следовали знамена и прапоры их же работы. Следующей и обыкновенно самой обширной статьей было огнестрельное оружие: пищали, карабины и пистолы. Непременным было изготовление в поднос государю луков, стрел и лубья саадного. Из «мелких дел» государю регулярно подносились шахматные доски

и фигуры, доски тавлейные, бирки и саки (принадлежности настольных игр, костяные прорезные гребни, а также деревянные расписные пасхальные яйца на деревянных блюдах, изнутри оклеенных тканью. В разное время в состав пасхального подноса могли включаться и другие предметы, порой довольно экзотические. Отдельными статьями писались изделия, предназначенные для царевичей. Как правило, подносные дела мастеров Оружейной палаты вносились к государю «в верхи», а через некоторое время (несколько дней или недель) сносились «сверху» [30, л. 11; 31, л. 8] и передавались в государеву Оружейную казну. Понравившиеся предметы могли быть оставлены у государя «в хоромех» на более долгий срок или навсегда.

Самая ранняя из известных росписей «подносных дел» Оружейной палаты мастеровых людей относится к 1661 г. [29, л. 1–15]. Аналогичный документ 1662 г. пока не выявлен. Однако нам известно, что поднос состоялся. Сохранилась приказная память с ссылкой на именной указ царя Алексея Михайловича о «придаче к окладам» нескольким ведущим мастерам Оружейной палаты, которые 2 апреля «были у него великого государя у руки с приказными новыми подносными делами» [13, л. 35–36].

Одним из самых впечатляющих в XVII столетии стал пасхальный поднос 1663 г. В составе подносных вещей помимо холодного и ручного огнестрельного оружия впервые присутствовали железные кованые парадные пушки, украшенные золочением и серебрением. Создателями этих орудий были русский мастер Оружейной палаты Ермолай Федоров и иноземец Андреас Нейдгарт (Andreas Neidhart) [32, л. 1–18].

А. Нейдгарт в число придворных оружейников не входил. В 1661–1663 гг. он трудился «у пушечных дел» Оружейной палаты на договорной основе. Помимо денежной платы, в тяжелое время иноземца с семейством щедро обеспечили провизией. В декабре 1662 г. Нейдгарту было велено выдать «две чети муки ржаной, да пуд соли, да два четверика грешневых круп, да четверик овсяных, да две тужи свиных мяс» [33, л. 1–1 об.].

Для пополнения государственной оружейной казны в этот период были предприняты и шаги иного рода. В 1662 г. посольству окольничего с Федора Яковлевича Милославского, отправлявшегося в Персию, был вручен обширный список «сколько каких товаров купить в государеву Оружейную палату». Число заказанных предметов готового оружия и доспеха, а также оружейных полуфабрикатов (булатных сабельных полос, пластин для зеркал и пр.) исчислялось тысячами. Кроме того, для дворцовых оружейных мастерских послам было наказано привести из Ирана 40 пудов булата в слитках, бирюзу для украшения

оружия и большое количество «гзов и ящуров» – особым образом выделанных кож для обтяжки сабельных ножен и рукоятей. Четко различимо, какое оружие в составе заказа было предназначено для самого государя и его ближайшего окружения и что закупалось для придворных чинов рангом ниже. Среди прочего было велено привезти из Персидского государства «5 зеркал самых добрых в кольцах с наводом золотым, 50 зеркал кружчатых и четверугольных булатных з золотым же наводом, 100 зеркал обычных кружчатых», а также «пансырь доброй с воорудом доброю зате[й]чивою, 100 пансырей пообычной» [34, л. 1–6]. Средства на покупку посольство должно было получить от продажи мехов.

Помимо задания на приобретения оружия и оружейных товаров посольство имело инструкцию «призвать на год или на два мастеров 2 человек которые б умели пансыри делать и починивать, 2 человек которые умели булатные и железные сабли заваривать доброю кизылбашскую и черкесскую заваркою, 1 человека которой бы умел писать седла и древка. Что б и на Москве научить учеников. А говорить им что б они на государскую милость были надежны и шли к Москве не опасаясь никакие скудости, на Москве им будут кормы довольные. А как они на Москве учеников научат и великий государь за то их мастерство пожаловал своим государевым жалованием велит отпустить в свою землю без задержанья» [35, л. 265–265 об.].

Нужно отметить, что в это время в Москве уже трудились несколько иранских мастеров гзового и шелкового дела, которые, «слыша про твою великого государя неизреченную милость, что ты великий государь жалуешь розных земель мастерских людей», выехали в Россию в 1659/1660 г. [36, л. 1–17; 37, л. 1; 38, л. 19, 33]. В составе предметов Пасхального подноса 1663 г. присутствовали «5 гзов розных цветов», сученый шелк «роznego дела» и шелковые тесьмы, изготовленные персами и их русскими учениками [32, л. 12, 16–17].

Путешествие русского посольства продлилось дольше трех лет. Информацией, насколько полно дипломатам удалось выполнить задание по приобретению в Персии оружейных товаров, мы, к сожалению, не обладаем. Иранские мастера, владевшие технологией изготовления булатной стали, в Оружейной палате так и не появились.

Оценивая в целом положение дел в придворной оружейной мастерской в период кризиса 1660-х – 1663 гг., мы можем констатировать, что усилиями руководства ведомства негативное влияние экономических трудностей удалось свести к минимуму. Оружничему Богдану Матвеевичу Хитрово хватило влияния и возможностей, чтобы обеспечить всеми необходимыми ресурсами производственную де-

тельность Оружейной палаты, а также защитить ее мастеров от последствий «хлебной дороговизны». Предпринятых мер оказалось достаточно не только для стабильного функционирования ведомства, но и для развития ряда новых направлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орленко С. П. Оружейный мастер Григорий Никитич Вяткин / С. П. Орленко // Война и Оружие. Новые исследования и материалы. – СПб. : ВИМАИВиВС, 2011. – Ч. II. – С. 122–143.
 2. Орленко С. П. Белорусские мастера «наводного дела» в Оружейной палате / С. П. Орленко // Белорусы Москвы XVII век. – Минск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўка, 2013. – С. 320–331.
 3. Чубинский А. Н. Василий Титов и Ермолай Федоров самопальные Мастера Оружейной палаты второй половины XVII века / А. Н. Чубинский // Война и Оружие. Новые исследования и материалы. – СПб. : ВИМАИВиВС, 2013. – Ч. IV. – С. 403–425.
 4. Романов М. Ю. Московская Бронная слобода в XVII веке. История и люди / М. Ю. Романов. – М. : ИнформБюро, 2010.
 5. Орленко С. П. Произведения белорусских мастеров «наводного дела» в Оружейной палате второй половины XVII века / С. П. Орленко // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. – М., 2014. – Вып. 24. – С. 88–107.
 6. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 947. – Л. 44–62.
 7. Ларченко М. Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века / М. Н. Ларченко // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. – М. : Искусство, 1984. – Вып. 4. – С. 184–192.
 8. Зверев С. В. К истории русских денежных реформ 1654–1663 гг. / С. В. Зверев // Патриарх Никон и его время. Труды Государственного исторического музея. – М., 2004. – Вып. 139. – С. 134–137.
 9. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 6956.
 10. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 7764.
 11. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8720.
 12. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 7753.
 13. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 7764.
 14. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 7753.
 15. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 7944.
 16. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8118.
 17. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8120.
 18. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8198.
 19. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 7796.
 20. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8129.
 21. Wasilkowska A. Husaria. The winged horseman / A. Wasilkowska. – Warszawa, 1998.
 22. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 10349.
 23. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 10324.
 24. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 7405.
 25. РГАДА. – Ф. 141. – Оп. 5, ч. 2. – Д. 123.
 26. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 7120.
 27. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 10086.
 28. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8724.
 29. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 7596.
 30. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 10260.
 31. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 10897.
 32. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8725.
 33. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8259.
 34. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8075.
 35. РГАДА. – Ф. 77. – Оп. 1. – Д. 14.
 36. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 7694.
 37. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 7751.
 38. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 7764.
- The Moscow Kremlin State Historical and Cultural Museum and Heritage Site*
Orlenko S. P., Candidate of Historical Sciences, Senior researcher (Department of Arms and Armor)
E-mail: orlenko@kremlin.museum.ru
Tel.: 8 (495) 695-38-12
- Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»*
Орленко С. П., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник (сектор оружия и конского убранства)
E-mail: orlenko@kremlin.museum.ru
Тел.: 8 (495) 695-38-12